

ИНДИЯ: ДИСПАРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

© 2018 г. А. Володин

ВОЛОДИН Андрей Геннадиевич, доктор исторических наук.
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (andreivolodine@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 05.07.2017.

На примере “сверхкрупной” Индии рассматривается влияние *поляризованного* типа развития (или дезинтеграции хозяйственного механизма) на совокупный экономический потенциал государства. Выделены два типа социально-экономического развития: 1) *стационарный* (наиболее населенные штаты страны) и 2) *изолированный*, проистекающий из отъединенности от “материковой” Индии (штаты Северо-Востока). Оба типа развития требуют целевых инвестиций для преодоления “застойного равновесия”. Скрытым ресурсом повышения геоэкономического потенциала могло бы стать инвестиционное сотрудничество с другими странами, в частности с Россией.

Ключевые слова: Индия, диспаритеты развития, дезинтеграция экономики, “дуалистический” экономический рост, кастовая система, география хозяйства, “стационарный” тип развития, “изолированный” тип развития, СААРК, Южная Азия.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-5-97-109

В конце 2005 г. британский *The Economist*, пессимистически оценивая шансы мирового хозяйства на скорое выздоровление, предположил: “локомотивами” его развития могут стать Китай и Индия, тем более что в послужном списке двух стран-гигантов уже числились заслуживающие доверия истории экономического роста. Вклад Поднебесной в динамику эволюции мировых производительных сил был, как известно, более значительным. Однако положение дел в мировом хозяйстве кардинальным образом не изменилось, и на то имелись серьезные основания. Впрочем, эконометрический подход предполагает и *системное* объяснение внутренних социально-экономических процессов, что в конечном счете поможет выстроить иерархию факторов, влияющих на совокупный потенциал развития “крупнейшей демократии мира”.

В нынешнем социально-политическом дискурсе по проблемам переходных обществ все чаще встречается идиома “экономический рост 7%+”, словно акцентирующая безальтернативность форсированной трансформации их хозяйственных комплексов. Да и сама политическая публицистика интенсивно насыщена экономическими дефинициями. Так, опытный индийский аналитик Радж Ченгаппа отмечает: экономика стала безотказным политическим барометром. По мнению автора, эффективное управление макроэкономическими процессами напрямую влияет на политический

тонус общества: “Какими бы методами ни измерять ВВП, он остается на здоровом уровне в 7.65%, что делает Индию, возможно, наиболее энергично развивающейся экономикой в мире, тогда как международная среда пока не создает устойчивых импульсов для ускоренного роста. Можно сказать: дееспособная экономика управляет большой политикой” [1].

Образ “поднимающегося гиганта” присутствует и в сочинениях некоторых представителей научной сферы. Траектория роста “крупнейшей демократии мира”, полагает индийский экономист Арвинд Панагария, предопределена *тремя* главными обстоятельствами.

Первое. Индия, в отличие от многих обществ Африки и Латинской Америки, не испытала длительных периодов стагнации и/или упадка. Макроэкономические кризисы, когда они случались, были недолговечными, а народное хозяйство довольно быстро возвращалось на путь роста.

Второе. Устойчивая эволюция политических институтов создавала и воспроизводила благоприятные условия для макроэкономической стабильности общества. В свою очередь, логика положительной “корреляции” экономики и политики обеспечивала *поступательное* развитие социума (прерванное за 70 лет суверенитета лишь однажды – во время чрезвычайного положения, июнь 1975 г. – январь 1977 г.), что подтверждает жизнеспособность избранной Индией стратегии развития.

Третье. Сложный национально-этнический, конфессиональный и сословно-кастовый состав населения обусловил выбор системы политического представительства как оптимальной модели государственного управления в Индии. Экономические преобразования в сложносоставном индийском обществе требовали *общенационального* консенсуса. Длительная история энергичного экономического роста определялась сопряжением интересов различных социальных макрогрупп и не требовала “революции сверху”, то есть авторитарной модернизации, как это имело место в некоторых государствах Восточной Азии [2, pp. 3-4].

Изложенные выше соображения, однако, имеют серьезных оппонентов среди сообщества индийских экономистов. Согласно представлениям одного из “патриархов” экономической мысли Индии Прем Шанкара Джха, ускоренный экономический рост (распределяемый *неравномерно* по различным группам населения и территориям) создает реальную угрозу социально-политической стабильности общества и способен “разрегулировать” деятельность институтов, ответственных за обеспечение развития и прогресса в стране [3]. Свой скепсис относительно “глобальных перспектив” Индии один из крупнейших экономистов современности Пранаб Бардхан обосновывает следующим образом: “Гетерогенное общество, изрешеченное социально-экономическим неравенством и конфликтами, затрудняет коллективные действия по организации перспективной стратегии [общественных] перемен и воздвигает популистские преграды долгосрочным инвестиционным программам и реформам [как таковым]... В Индии институты демократии и самоуправления на низовом уровне все еще недостаточно развиты: регулярные выборы на уровне дистрикта и ниже не сопровождаются [институционализацией] ответственности органов власти перед народом...” [4, p. 126]. Несколько ранее тезис о “гетерогенной социально-экономической структуре” как о препятствии для построения *межпартийного* консенсуса относительно долгосрочных целей развития Индии выдвинул еще один корифей экономического анализа — Балдев Радж Найяр [5, p. 238].

В этой связи закономерен вопрос: в чем причина/причины столь сдержанного отношения к перспективе непрерывного форсированного экономического роста в Индии в обозримом будущем? Попутно рождается еще одна загадка, на сей раз более конкретная: не присутствует ли в самой социально-экономической структуре Индии неких “встроенных”/имманентных механизмов, затрудняющих преобразование ее дуалистической природы даже

с помощью инструментария современного индустриального роста?

ДИАЛЕКТИКА “ДУАЛИСТИЧЕСКОГО” ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В начале 80-х годов XX столетия вышло комплексное исследование (в двух томах), посвященное общей характеристике и отраслевому строению индийской экономики. Руководитель авторского коллектива Г.К. Широков обращал тогда внимание на такие исторические особенности народнохозяйственного комплекса страны, как: ограниченная поглощающая способность индустриально-капиталистических укладов; слабая межотраслевая интеграция; поляризованный характер воспроизводственного процесса; гипертрофия сферы обращения и “традиционных” (то есть до- и раннеиндустриальных) услуг; широкое распространение *докапиталистического* найма в сельском хозяйстве; территориальная разорванность цикла воспроизводства и т.д. Отсюда следовал вывод о необходимой “деятельности государства по преодолению дезинтеграции” в ее различных ипостасях [6, сс. 5-16].

Императивы интеграции социально-экономической структуры предполагали выяснение причин рассогласованности развития различных сегментов хозяйственного организма страны. В специальной литературе отмечалось: в хозяйственном механизме Индии сохраняются дезинтеграционные тенденции, однако это “не абсолютная разобщенность различных подразделений экономики, а отсутствие развитых обратных связей между ними” [7, с. 27]. Иначе говоря, Индия пока не преодолела переходный период своего развития, политэкономическое содержание которого — в *дуализме* национальной хозяйственной системы, проявляющемся в сохраняющейся рассогласованности эволюции города и деревни. Сельская экономика зачастую не может — интеллектуально и организационно — абсорбировать современные индустриальные формы производства, и эта недостаточная “поглощающая” способность в конечном счете отражается на темпах промышленного роста, динамике накоплений, утверждении современных форм занятости и т.п.

Дуализм в построении доиндустриальной экономики, как показал А.П. Колонтаев, возник в доколониальный период, а отношения “метрополия—колония” лишь усугубили дезинтеграционные тенденции в развитии хозяйственного механизма. В то же время прочность традиционной системы разделения труда и развитость (и плотность)

внутридеревенских связей сдерживают темпы перехода к индустриальному типу воспроизводства и, можно сказать, поддерживают дисбалансы социально-экономического развития страны. Данные дисбалансы воспроизводятся также неравновесностью (деревня—город) социально-демографических процессов.

Освобождение от исторического бремени традиционных социальных отношений отстает от требуемой форсированной модернизации экономики, а победа индустриального способа производства “в масштабе всей экономики всегда связана с изменением прежних, ... докапиталистических производственных отношений”. В отличие от траектории и характера становления капитализма на Западе, в Индии “не было, да и не могло быть, этапа *внутренних* (курсив мой. — А.В.) взрывов против своей системы традиционных социально-экономических отношений”. Основная энергия движения за суверенитет была направлена против внешней силы — Британского Раджа и “не сопровождалась глубокой перестройкой собственной сферы социально-экономических отношений в обществе. В результате в Индии не был открыт простор для развития производительных сил в том масштабе и в той степени, которых требует капиталистический способ производства” [7, сс. 49-50].

Победе над социально-экономическим дуализмом индийского общества препятствует еще одно обстоятельство исторического происхождения. Так, складыванию единого рынка рабочей силы в стране мешает сохранение кастового строя, особенно в индийской деревне. Более того, мигранты, переселяющиеся в крупные города, воспроизводят кастовые связи и отношения, что препятствует становлению социально-профессиональной структуры индустриального профиля даже в метрополитенских центрах. Кастовая солидарность помогает бывшим селянам культурно адаптироваться в городском обществе. Переселенец, в лучшем случае, существует в городе одновременно в двух разностадиальных ипостасях — *современной* (на рабочем месте) и в *традиционной* (в кругу семьи и друзей, выходцев из того же кастового кластера). Помимо этого “раздвоения личности”, социально-культурный дуализм стимулирует и сосуществование в современных промышленных и административных центрах Индии двух видов экономической активности населения — индустриальных и традиционных (до- и раннеиндустриальных) видов производства, торговли, кредита и т.д. Наконец, дуалистическая структура общества и экономики обладает собственной логикой и динамикой развития [7, сс. 59-60].

Поляризация/дуализм социально-экономического уклада напрямую влияет и на размещение производительных сил в Индии, на географию хозяйства этой страны. Понятно, что индустриализация (как важная часть модернизации общества), “зеленая революция” (по сути, сайентификация аграрного сектора), искоренение нищеты и безработицы имеют как отраслевые, так и региональные измерения. Индия существует не как некое среднестатистическое образование, а как *сложносоставной* социум, части которого находятся на различных стадиях социально-экономической эволюции: от функционирующих по законам простого воспроизводства сельских общин (находящихся на почтительном удалении от современных процессов) до высокоразвитых форм экономической организации, порой более плотно связанных с мировым хозяйством, чем с хинтерландом/общественной периферией собственной страны.

Хотя в ходе форсированного индустриального развития формируется и углубляется географическое разделение труда, конституируются районобразующие “ядра”, испускающие модернизационные импульсы по территориальному пространству Индостана, продолжается процесс становления индийского “суперэтнуса”. Сила исторической инерции требует сознательных усилий по преодолению дуализма/дезинтеграции социально-экономической структуры страны. Устранение диспаритетов в географии хозяйства остается одной из наиболее важных *политических* задач для правящих кругов Индии.

Издrevле города (как свидетельствует опыт Западной Европы) были и плацдармами индустриальной эволюции, и катализаторами сопутствующих социальных перемен. В Индии, как и в других крупных странах Азии, еще в колониальный период возникли “линии проникновения” влияния метрополий, расходящиеся “от портовых городов-приматов” (Бомбея, Мадраса, Калькутты). Аналогичным образом сформировались “анклавные капиталистические формы социально-пространственной организации общества, окруженные морем полутрадиционной системы расселения, включающей в себя как сельские, так и городские районы” [8, с. 197]. В настоящее время в Индии, как отмечала в середине 70-х годов минувшего века видный экономгеограф Г.В. Сдасюк, процесс концентрации промышленности и других сфер и факторов современной жизнедеятельности усиливается тем, что «города имеют слабые производственные функции: промышленное развитие укрепляет экономическую основу их существования, происходит как бы “индустриализация

урбанизации” ... даже наиболее промышленно развитые районы страны, тяготеющие к главным морским портам, находятся в стадии активного формирования – подведения тяжелоиндустриальной базы под существующие отрасли легкой промышленности» [9, сс. 177-178].

Одним из краеугольных оснований преодоления дуализма/дезинтеграции социально-экономической структуры в Индии остается государственная политика развития *промышленно-территориальных образований*. Среди последних наиболее зрелыми выступают промышленные районы, обладающие, по определению И.М. Маергойза, следующими принципиальными характеристиками: 1) значимой ролью во внутрисоюзном разделении труда за счет четко выраженной специализации и качества и количества производимой продукции; 2) высокой степенью диверсификации региональной хозяйственной структуры; 3) значительной территорией с развитой сетью городских поселений, функционирующих по принципу *горизонтальной* взаимозависимости [9, с. 181]. В Индии критериям подобной характеристики в принципе отвечают три промышленно-территориальных образования, сформировавшихся на основе “метрополитенских” портовых центров: Калькуттско-Дамодарский район, Бомбейско-Ахмадабадский и находящийся в процессе формирования Южно-Индийский под “руководством” Мадраса¹ и Бангалора.

Безусловно, колониализм видоизменил эконом-географическую конфигурацию хозяйства современной Индии. По мнению Р.В. Дмитриева, “центр тяжести развития городов сместился на побережье (то есть в Бомбей, Мадрас, Калькутту. – А.В.) при практически полной стагнации этого процесса внутри страны. Это перечеркнуло все достижения индийской цивилизации на пути усложнения процесса урбанизации. В дальнейшем показатель урбанизированности рос весьма медленно, Индия оставалась преимущественно сельской страной с по сути «убитыми» городами» [10, с. 51]. Такое утверждение выглядит излишне категорично, поскольку накануне колониального завоевания на Индостане в принципе не сложились условия для *межформационного перехода* к индустриально-капиталистическому способу производства. (Подобной точки зрения придерживаются такие авторитеты историко-экономической “гильдии”, как В.И. Павлов и Фернан Бродель. Автору ближе взгляды на генезис капитализма в Индии

А.И. Чичерова, Э.Н. Комарова и некоторых других видных индологов.)

В сущности, идею о несформированности в Индии исторических предпосылок капитализма поддерживает и Г.В. Сдасюк (очевидно, опираясь на выводы и заключения специалистов-исследователей социальной структуры и общественных функций средневековых индийских городов – К.А. Антоновой и К.З. Ашрафян, которые рассматривают “доколониальные” города как центры преимущественно административной и традиционной/докапиталистической экономической деятельности). Однако и Г.В. Сдасюк, и Р.В. Дмитриев едины в главном: интенсивность импульсов, определяющих радиусы “концентрических кругов” индустриального развития, пока недостаточна, чтобы покрывать своим влиянием все экономическое пространство Индии.

Именно недостаточная сила, разгоняющая “волны” индустриализации, стала одной из главных причин дисбалансов социально-экономического процесса в Индии, которые проявляются в: 1) сохранении “поляризованной” модели хозяйства; 2) неравномерности развития штатов и территорий; 3) наличии обширных хинтерландов, само существование которых мешает проникновению в “поры” индийского общества отношений и институтов современного капиталистического производства; 4) недостаточной для самоподдерживающегося роста “горизонтальной” интеграции территорий и расположенных на них производственных единиц.

Дисбалансы, унаследованные от прошлого, продолжают воздействовать на социально-экономические процессы в стране. Так, административно-территориальные единицы (штаты) с наиболее низким уровнем урбанизированности (51% всего населения Индии и 34% ее городских жителей) являются серьезным “тормозом” в динамизации экономического роста, распространения городского образа жизни и культуры. Прежде всего речь идет о штатах “пояса хинди”, таких как Уттар Прадеш, Раджастхан, Мадхья Прадеш, Чаттисгарх, Бихар, Джаркханд, Уттаракханд, Химачал Прадеш. Для этих штатов характерны высокие темпы демографических процессов (особенно в среде “низов” традиционной сословно-кастовой иерархии), низкий (по отношению к средним показателям по стране) уровень жизни и грамотности, консервативно-”стационарный” тип социально-экономической эволюции.

Особо значимо для нашей темы то обстоятельство, что в крупнейших по количеству населения штатах Индии – Бихаре и Уттар Прадеше

¹ В 90-е годы XX в. исторические названия Бомбея, Мадраса и Калькутты были изменены соответственно на Мумбаи, Ченнаи и Колкату.

(точнее, в восточной части последнего) границы между городской и сельской культурой чрезвычайно подвижны, а порой и вовсе неразличимы. По образному выражению Р.В. Дмитриева, в этих административных единицах (особенно в Бихаре) современные города представляют собой небольшие островки в безбрежном “океане” сельского образа жизни [10, сс. 56-57]. В местном населении высока доля “зарегистрированных” племен и каст – наиболее отсталых в социально-культурном отношении групп индийского общества. В отношении названных штатов утвердилась характеристика своеобразного “балласта”, то есть средоточия всех “кричащих” проблем и противоречий современной Индии.

В штатах Карнатака, Западная Бенгалия, Андхра Прадеш, Хариана и Пенджаб, образующих вторую группу административно-территориальных образований, выше и уровень жизни, и доля горожан в составе населения. Помимо этого, в Пенджабе и Хариане, почти на 2/3 пополняющих фонд продовольственного зерна в стране, эффективность аграрного производства выше, чем в фермерских хозяйствах штатов Среднего Запада США. В настоящее время бурно развивается и диверсифицируется городская экономика Пенджаба и Харианы.

Третья группа – наиболее экономически успешные штаты – включает в себя Махараштру, Гуджарат, Кералу, Тамилнаду, а также национальную столичную территорию Дели, объект туристического паломничества штат Гоа и выпадающий из общего контекста Северо-Востока штат Мизорам (об этом речь впереди)².

Статистические службы Индии и ООН фиксируют положительную тенденцию: масштабы распространения бедности по стране неуклонно снижаются [10, с. 124]. Однако это лишь один из аспектов преодоления диспаритетов социально-экономического развития. Ликвидация внутри- и межрегиональных дисбалансов предполагает, помимо прочего, выравнивание темпов экономического роста различных административно-территориальных образований, прежде всего штатов. Пока же тенденция такова, что экономически

“продвинутые” штаты развиваются быстрее, чем штаты-“аутсайдеры”. Именно усугубление социально-экономических диспаритетов (при наличии в Индии политической системы *открытого* типа) чревато политическими кризисами уже в среднесрочной перспективе.

Поляризованный тип развития (или “дуалистический рост”, если воспользоваться академической идиомой А. Гершенкрона) – это обобщенное, эконом-географическое проявление дисбалансов в жизнедеятельности общества. При исследовании Индии чрезвычайно важны детали, то есть конкретные проявления социально-экономических диспаритетов. Для задач данной работы целесообразно выделить два ареала: 1) “стационарный” Центр и 2) “отъединенный” от основной части субконтинента Северо-Восток.

БИХАР И УТТАР ПРАДЕШ: ШТАТЫ-“ГИГАНТЫ” В ПОИСКАХ РОСТА И РАЗВИТИЯ

В академических исследованиях социально-экономических процессов в Индии штат Бихар нередко называют “средоточием” всех проблем страны. В подобной позиции есть определенная логика. Штат занимает около 3% географического пространства Индии, и здесь проживает примерно 9% всего ее населения (около 110 млн человек). Бихар – это наиболее густонаселенный и одновременно наименее урбанизированный штат Индии: горожане составляют всего 11% жителей.

До недавнего времени Бихар входил в категорию штатов наиболее “вялого” экономического роста. Впрочем, в последнее десятилетие темпы роста определенно ускорились, достигая в отдельные годы 10% в годовом исчислении. Однако Бихар продолжает пребывать в наименее экономически развитой группе: с одними из самых низких величин подушевого дохода и, как следствие, наиболее широким распространением бедности по стране.

Дисбалансы социально-экономического развития в настоящее время проявляются в сохранении существенных элементов традиционной системы землепользования и занятости. Это имело (и имеет) следствием массовые миграции сельских тружеников (главным образом из северных дистриктов Бихара) в более динамично развивающиеся северо-западные штаты (запад Уттар Прадеша, Хариана), с одной стороны, и радикализацию массовых настроений крестьянства южных дистриктов, с другой.

² Приведенная классификация штатов Индии – не единственная. Согласно Докладу о комплексном исследовании состояния индийских штатов (2013 г.), в группу наиболее “продвинутых” территорий не попал Гуджарат, тогда как Пенджаб и Хариана, а также Уттаракханд (последний переведен из “низшей” категории) были включены в “высшую лигу”. В группу “среднеразвитых” штатов вошли: Манипур, Нагаленд, Мизорам, Трипура, Сикким (все – от Северо-Востока), Джамму и Кашмир, Химачал Прадеш (*Hindustan Times*, 26.09.2013).

Повышение темпов экономического роста здесь принято связывать с активным развитием транспортных коммуникаций внутриштатовских товарных потоков, а также со своеобразным строительным “бумом” последних нескольких лет. Тем не менее дисбалансы социально-экономического развития отчетливо проявляются в неравномерности “наполнения” регионального ВВП различными видами деятельности: если на агросферу падает примерно 1/5 ВВП (при занятости 62% всего самодеятельного населения), то на промышленность и услуги (как правило, *традиционного* характера) остается соответственно 20% (16.6% занятых) и 60% (21.6% занятых) [11, pp. 5-6].

Недостаточная диверсификация хозяйственной системы проявляется, в частности, в низкой продуктивности общественного труда: в промышленности производительность одного работника составляет лишь половину от общеиндийской, тогда как в аграрном секторе – около 70%. Несмотря на энергичный экономический рост в последнее десятилетие, уровень бедности в штате составляет 54%, тогда как среднестатистический показатель по стране существенно ниже – 32%. Показатели социального и “человеческого” развития также уступают общеиндийским [11, p. 6]. Считается, что важным ресурсом экономического роста и развития могло бы стать совершенствование деятельности институтов государственного управления в Бихаре.

Важным фактором социально-экономических дисбалансов в этом штате остается характер аграрных отношений, опирающийся на кастовую иерархическую организацию, поддерживающую (силой традиции) социальное неравенство и диспаритет *классового* происхождения (за счет воспроизводства докапиталистической системы землепользования). В последние три десятилетия процесс обезземеливания активно продолжался, особо затронув своеобразное “дно” традиционного сословно-иерархического общества – низшие касты и социально уязвимые слои мусульманской общины. Рыночные же отношения принесли наибольшие выгоды средним (земледельческим) кастам, в частности *ядавам*. К тому же доступ к кредитным ресурсам реально имеют лишь преуспевающие домохозяйства.

Диверсификации рынка труда в Бихаре препятствует как недостаточно развитая система образования, так и неравноправный доступ к ее институтам, прежде всего для представителей низших каст и мусульман. Росту эффективности труда в аграрном секторе мешает и система оплаты его

результатов: ее базовый минимум составляет около 100 рупий, или 1.5 долл. США в день.

В последние десятилетия значительно интенсифицировались потоки трудовой миграции из сельских районов Бихара, причем этими процессами в большей степени были затронуты депрессивные северные дистрикты штата. Миграционные маршруты направляются, как правило, в города за пределами штата. Преобладающая часть в этом движении – мужчины, около 3/4 всех мигрантов составляют представители сильного пола в возрасте 15–35 лет [11, p. 12]. Миграции имеют продолжительность от трех до восьми месяцев (более 90% от общей численности). В северных дистриктах среди таких “сезонных переселенцев” абсолютно преобладают безземельные крестьяне. Около 60% мигрантов – лица, либо не имеющие образования, либо обладающие лишь его элементарными признаками.

Миграции имеют двойные последствия. С одной стороны, они выступают своеобразными катализаторами социальной мобильности среди женской части населения. С другой стороны, перемещение наиболее трудоспособной части рабочей силы (и это обстоятельство, пожалуй, выступает в качестве основного фактора) имеет неизбежным следствием консервацию социальной структуры и сохранение дезинтеграции хозяйственного механизма, что препятствует “выправлению” диспаритетов экономического развития в одном из наиболее населенных штатов Индии.

Дисбалансы проявляют себя и в социальных показателях развития. В последнее время в Бихаре значительные группы сельского населения были вовлечены в сферу воздействия социально-экономических программ, спонсируемых как федеральным центром, так и властями штата. Данные программы охватывают такие сферы деятельности, как расширение занятости, повышение эффективности помощи “уязвимым” группам населения, развитие здравоохранения и защиты от болезней, обеспечение жильем, повышение качества и доступности образования, специальные меры поддержки молодых женщин и т.д. Вместе с тем в регионе, особенно в его северных дистриктах, актуальной остается проблема чистоты питьевой воды (нередко насыщенной железистыми микроэлементами). Противоречиво и состояние образовательных проектов. С одной стороны, государственные (федеральные и штатовские) программы образования стимулировали взрывной рост элементарной грамотности среди женщин и представителей низших каст и мусульман. С другой стороны, 8% детей в возрасте от 8 до 14 лет не посещают школьные

заведения, а 16% делают это на нерегулярной основе. (Общий уровень грамотности в Бихаре составляет около 69%.) Не менее трудной проблемой остается качество образования и сохраняющаяся нехватка школьных помещений.

Продуктивность экономики штата Бихар, несмотря на очевидные достижения последних десятилетий, остается ограниченной. Преодоление диспаритетов развития и ученые, и эксперты видят в экстренном введении в действие программ ирригации по всему штату, в незамедлительном повсеместном обеспечении жителей электроэнергией (не только для бытовых и производственных нужд), качественном расширении доступа к недорогому *институциональному* кредиту, особенно для мелких и средних агрохозяйств. Особенно подчеркивается необходимость выработки всеобъемлющего, системного подхода к социально-экономическому развитию штата в целом. Иначе говоря, и ученые, и практики едины в отстаивании институционализации *стратегии развития* штата, учитывающей особенности исторической эволюции социально-экономической структуры Бихара.

Частью стратегии развития специалистам видится система мер, включающая: 1) упорядочение миграционных потоков; 2) “урбанизацию” профессионального профиля части рабочей силы; 3) развитие организованных рынков агропродукции в городах Бихара; 4) расширение государством системы профессионально-технического образования с перспективой использования выпускников в различных отраслях хозяйства штата, прежде всего в агросфере; 5) осуществление политики, способной изменить традиционное социально приниженное положение женщин в бихарском обществе и тем самым ослабить “скрепы” сословно-кастовой иерархии в одном из наиболее отстающих штатов Индии.

Взаимопереплетение и сложное взаимодействие факторов историко-культурного (институционального), экономического и политического происхождения предопределяет и траекторию общественного развития соседнего – и крупнейшего – штата Индии – Уттар Прадеша (особенно его восточных, наименее развитых дистриктов) с населением более 200 млн человек (5-е место по размерам территории среди индийских штатов). Как и в Бихаре, в Уттар Прадеше внутри- и межкастовая иерархическая организация препятствует консолидации социально-профессиональных групп крестьянства на современной основе общности интересов, оказывает тормозящее влияние на экономический рост, образуя таким образом “заколдованный круг” причинно-следственных связей,

который в свою очередь мешает преодолению дезинтеграции внутри хозяйственного механизма и, наоборот, консервирует (как и в Бихаре) дисбалансы и диспропорции социально-экономической структуры.

Некоторые авторы отмечают: консервации социальной структуры и поддерживающих ее институциональных механизмов косвенно способствовала и политика индустриализации Индии после завоевания суверенитета, поскольку значительный объем материальных ресурсов направлялся в так называемый современный сектор экономики, что сдерживало процессы модернизации сельского хозяйства и аграрных отношений. Естественная нехватка ресурсов перекрывала каналы для инвестиционной деятельности, адекватной современным требованиям развития инфраструктуры, обостряла отношения по линии “центр–штаты”, поддерживала высокий накал социальных “страстей” и политической борьбы в двух наиболее населенных штатах Индии [12, р. 234].

Повышение темпов экономического роста в Бихаре в последние годы специалисты склонны связывать с действием факторов политического происхождения: повышением культуры и качества управления властей штата, включая жесткое внедрение принципов “закона и порядка” – пресечение актов насилия, систематическое противодействие коррупции и nepотизму, строгий контроль эффективности государственного аппарата, сознательная линия на преимущественное социокультурное и экономическое развитие “низов” общества, то есть представителей низших каст и мусульман. Уверенность предпринимателей в предсказуемости дальнейшего курса регионального правительства значительно улучшила перспективы привлечения инвестиций, а значит и экономического роста в Бихаре. Динамичное развитие этого штата в свою очередь создало благоприятные предпосылки для направления ресурсов в местную экономику со стороны центрального правительства, объем которых в последние годы увеличился более чем в 10 раз. Инвестиции из Дели значительно ускорили темпы строительства дорог, мостов и подземных каналов.

Напротив, ухудшение качества управления обостряет внутреннюю ситуацию в Уттар Прадеше, повышает вероятность открытых конфликтов между различными социально-политическими силами. Эксперты выделяют четыре главных причины-фактора прогрессирующей деградации положения в крупнейшем штате Индии.

Первая – политизация процесса административного управления подрывает авторитет власти

и снижает действенность принимаемых (и реализуемых) ею решений. Вторая – несоординированность (переходящая в “фрагментацию”) процесса административного управления имеет следствием усиливающуюся неподконтрольность обществу бюрократии и чиновничества, что неизбежно отражается на эффективности политического управления в Уттар Прадеше. Третья – неоправданное разрастание (гипертрофия функций) аппарата управления еще более усиливает нагрузку на штатовский бюджет и ограничивает возможности использовать финансовые ресурсы по целевым назначениям. Четвертая – нерачительное управление финансовыми потоками ставит под сомнение способность властей штата осуществлять эффективную политику по искоренению бедности [13, p. 216].

В свою очередь социально-политическая нестабильность, не оставляющая Уттар Прадеш с середины 80-х годов XX в., усиливает политизацию массовых слоев населения и подрывает легитимность властей штата. Продолжение политики “непротивления” существующим дисбалансам и противоречиям может – в своей кульминационной точке – привести к неконтролируемому социальному взрыву.

Проблему социально-экономических дисбалансов усугубляет энергичное развитие демографических процессов: в начале 2017 г. население Уттар Прадеша превысило 220 млн человек. В последнее десятилетие экономический рост в штате достиг 6% в годовом исчислении, однако подушевой доход (отчасти под воздействием демографического “прессинга”) находится практически в стационарном состоянии. Он значительно отстает от показателей Гоа, Дели, Харианы, Махараштры, Пенджаба, Тамилнаду. По объему инвестиций (прежде всего частных) Уттар Прадеш по-прежнему находится позади развитых и среднеразвитых штатов.

Для многих индийских экономистов крупнейший штат страны остается территорией потенциально значительных возможностей. Тем не менее сохранение “вопиющих” внутрирегиональных различий (“фермерский запад” – “традиционалистский восток”) требует квалифицированной *интервенции* государства, ибо только развитие (или, как сейчас принято говорить, инклюзивный рост) способно решить проблемы и социально-экономических дисбалансов, и политического спокойствия. Главным фактором преодоления дезинтеграции, по общему мнению, выступает массивное инвестирование всевозможных ресурсов в *человеческий капитал* – то есть в знания и умения человека,

способного впоследствии реализовать свои профессиональные качества в производственном процессе. Однако реализация этой цели остается делом неблизкой исторической перспективы.

“ОТШЕЛЬНИКИ” СЕВЕРО-ВОСТОКА: ОПТИМИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Северо-Восток – это территория 262 230 кв. км, на которой проживают около 40 млн человек. Зона включает восемь штатов: Ассам, Аруначал Прадеш, Манипур, Мегхалайя, Мизорам, Нагаленд, Сикким, Трипура. Зарубежными соседями Северо-Востока являются пять государств: Бангладеш, Бутан, Китай, Мьянма, Непал. Линия государственной границы имеет в этой части Индии протяженность около 4500 км. Важное значение для развития этих штатов имеет фактор политической географии: Северо-Восток связан с “материковой” Индией узким “коридором” шириной 29 км, иногда иронически именуемым “цыплячьей шеей”. Физико-географическая “соединимость” с остальной территорией страны была утрачена в 1947 г., после образования двух независимых государств – Индии и Пакистана. Первоначально последний позволял использовать территорию Исламской Республики для нужд транзита, однако после очередной индо-пакистанской войны 1965 г. Восточный Пакистан (ныне Народная Республика Бангладеш) начал чинить препятствия. В результате Северо-Восток оказался в своеобразной геополитической “блокаде”.

Центральное правительство в Дели предпринимало многочисленные попытки прекратить “отшельничество” Северо-Востока. Одной из них стала “восточная политика” Индии (*Look East Policy*), которая осуществляется с 1992 г. Смысл ее в том, чтобы через активизацию внешнеэкономических связей со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА) ускорить в географически изолированном регионе Индии экономический рост, в том числе за счет интенсификации инвестиционных потоков из-за рубежа.

Всерьез влияние “восточной политики” на данный регион начинает чувствоваться с начала XXI в., когда в 2004 г. в Дели было создано федеральное министерство по делам северо-восточных штатов. Целью нового государственного института было сформулировать задачи по “воссоединению” труднодоступной части с остальной Индией и создать стратегию развития данной территории на обозримую перспективу за счет “подтягивания” уровня ее социально-экономического развития

до средневзвешенных общеиндийских показателей. В июле 2008 г. был обнародован официальный документ “Северо-Восточный регион: видение-2020”, определивший основные цели развития на среднесрочную перспективу. В их числе можно выделить: стимулирование процессов “зеленой революции” (выращивание высокоурожайных сортов риса, пшеницы, овощей и фруктов тропического происхождения и т.п.); модернизацию инфраструктуры аграрного сектора; проведение стимулирующей сельскохозяйственное производство реформы землепользования; модернизацию транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры; интенсификацию внешнеэкономических связей с соседними государствами Южной и Юго-Восточной Азии и т.д. Словом, регион планировалось превратить в *опорную территорию* осуществления “восточной политики” Индии.

Специалисты признают: Северо-Восток, с учетом незначительного по индийским меркам демографического потенциала, обладает определенными ресурсами для энергичного экономического роста. Однако реальное развитие (и уменьшение социально-экономического дисбаланса по отношению к “материковой” Индии) возможно при исполнении двух предварительных условий: 1) форсированного “воспитания” высококачественных трудовых ресурсов (что трудноосуществимо без массивной финансовой и институциональной поддержки федерального центра); 2) создания современной транспортной и промышленной инфраструктуры, включая энергетику. Помимо этого, интенсификация интеграционных процессов требует: 1) беспрепятственного доступа северо-восточных штатов к внутренней водно-транспортной инфраструктуре Бангладеш и 2) использования портов этого государства для связи с “материковой” Индией и внешним миром.

Рост и развитие предполагают, среди прочего, выравнивание дисбалансов социально-экономического характера внутри самого Северо-Востока. Между тем региону свойственно сохранение неоднородности. Если такие штаты, как Сикким, Мизорам, Аруначал Прадеш, Трипура и Мегхалайя прогрессируют относительно динамично, то Ассам, Манипур и Нагаленд, хотя и имеют положительные показатели экономического роста, продолжают отставать от общеиндийской динамики [14, р. 17]. Несмотря на улучшение показателей экономического роста в последние пять-семь лет, существенного повышения подушевого дохода в штатах Северо-Востока пока не отмечено. Сохранение диспаритетов внутрирегионального развития наглядно проявляется, например, в том, что

Сикким и Аруначал Прадеш стоят выше общеиндийских показателей, тогда как остальные штаты Северо-Востока пока не могут достигнуть среднего уровня [14, р. 22].

Целесообразно отметить и роль транспортных проектов в возможном повышении темпов экономического роста во всей северо-восточной зоне. Такого рода проекты с участием Бангладеш и Мьянмы пока не реализованы. Связано подобное положение, в частности, с тем, что обстановка на значительной части территории Северо-Востока все еще остается неспокойной, а это препятствует притоку столь необходимых региону инвестиций. (Для частных инвесторов политическая стабильность остается одним из главных условий деятельности.) Мешает экономическому росту и практика осуществления проектов на неолиберальных принципах, что нередко приводит к ограничению участия в инвестиционных начинаниях местного населения. “Дискриминация”, как ее понимают коренные жители северо-восточных штатов, имеет следствием рост социально-политической напряженности.

Определенные надежды центральные власти Индии возлагают на активизацию экономического роста в северо-восточных штатах страны за счет развития внешнеэкономических и инвестиционных связей с государствами Юго-Восточной Азии (как части “восточной политики” Индии). К традиционному набору отраслей сотрудничества (инфраструктурные проекты, энергетика, нефтегазовый кластер, добывающая промышленность) обычно добавляют “индустрию гостеприимства”, полагая, что туризм и отдых могут привлечь капиталы и гостей из ЮВА. Однако прежде, чем превратиться в экономические “ворота” Индии в АСЕАН, Северо-Восток должен, с одной стороны, войти в режим самоподдерживающегося роста (что представляется задачей более или менее отдаленной перспективы), а с другой – стать не менее привлекательной инвестиционной площадкой, чем, скажем, Малайзия или Таиланд (не говоря о Сингапуре или Гонконге).

Видимо, определенным препятствием на пути энергичного экономического роста Северо-Востока остается группа факторов геополитического происхождения, и прежде всего сложные взаимоотношения между двумя азиатскими “гигантами” – Индией и Китаем. Логика поведения двух сверхкрупных государств на внешнеполитическом направлении выглядит следующим образом. Пекин рассматривает “восточную политику” Дели как стремление к “сдерживанию” Китая в Юго-Восточной Азии и как составную часть американской

стратегии по “изоляции” КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Со своей стороны, Дели усматривает в некоторых аспектах китайской политики скрытое желание окружить Индию в регионе Южной Азии поясом недружественных государств и тем самым ограничить свободу действий последней в бассейне Индийского океана.

Что касается позиции стран – членов АСЕАН в отношении внешнеполитической деятельности в зоне “Южных морей”, то государства ЮВА предпочитают видеть здесь Индию в качестве своеобразного противовеса влиянию Китая. Таким образом, хотя и косвенно, легитимируется индийская “восточная политика” и Северо-Восток как один из важных “инструментов” ее реализации.

Впрочем, судьба Северо-Востока напрямую зависит от экономической действенности “восточной политики” Индии. На этом “театре” усилий экономической дипломатии у Индии возникли (и сохраняются) определенные проблемы. Так, американский автор Лавина Ли полагает: «Индии еще предстоит зарекомендовать себя “незаменимым” партнером для стран Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии». Эффективность индийского хозяйственного механизма напрямую влияет и на действенность внешнеполитической линии Дели в регионе АТР: «Наиболее разочаровывающим аспектом “восточной политики” Индии остается [незначительная] ее вовлеченность в экономические взаимоотношения в регионе ... взаимные товарные потоки с Японией и Южной Кореей остаются ограниченными, и в настоящее время Индии предстоит серьезно увеличить свой экспорт на рынки основных государств Азии. ... значительные дисбалансы в [торгово-экономических] отношениях с государствами региона (то есть АТР. – А.В.) далеки от идеальных» [15, p. 93].

Считается, что отсутствие желаемых результатов системной модернизации экономики северо-восточных штатов проистекает и из группы так называемых субъективных факторов. Иначе говоря, из несформированности стратегических целей и задач модернизации Северо-Востока для всей Индии, из отсутствия сопряжения планов преобразования штатов-”отшельников” и общей стратегии развития страны.

Смысл стратегии развития для Северо-Востока состоит, в частности, в том, чтобы преодолеть разбалансированность развития экономики, прежде всего за счет развития капиталоемкого аграрного сектора. Сельскохозяйственное производство требует высококвалифицированных кадров, во-первых, и активного внедрения методов современной аграрной науки, во-вторых. Иными

словами, и федеральные, и штатовские власти рассматривают внедрить на Северо-Востоке пенджабо-харьянскую “модель”, предполагающую полный цикл агропроизводства.

Здесь возникает серьезное внутреннее противоречие. С одной стороны, зависимость от федеральных финансовых “инъекций” дестимулирует частную инициативу на местах. С другой стороны, Северо-Восток пока не вышел на уровень самоподдерживаемого роста и поэтому мобилизация местных инвестиционных ресурсов крайне затруднительна, тогда как привлечение прямых иностранных инвестиций (прежде всего из стран ЮВА) имеет неопределенные перспективы. Наконец, главная роль в подготовке квалифицированных кадров (причем не только для аграрного сектора) объективно ложится на ведущий научно-образовательный центр региона – *North-East Hill University*, ресурсный потенциал которого явно ниже предъявляемых жизнью требований.

Таким образом, возникает своеобразный “порочный круг недоразвитости”, в котором целенаправленное (системная трансформация северо-восточных штатов) не имеет пока необходимой материальной основы и де-факто противоречит законам рыночной экономики, а равно – и идеологии проводящихся в Индии с 1991 г. реформ-преобразований.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИСБАЛАНСОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Итак, дезинтеграция хозяйства (важным частным признаком которой можно назвать дисбалансы социально-экономического развития) – явление для Индии хорошо известное и подробно описанное. “Дезинтеграция, слабая взаимозависимость отдельных составляющих национальной экономики, – подчеркивал Г.К. Широков, – отражала существование нескольких циклов воспроизводства в развивающихся странах – внутриукладных, внутриотраслевых, региональных и т.п., которые теоретически можно представить как полностью независимые. Разумеется, в ходе экономического развития независимость отдельных циклов воспроизводства подрывается, они начинают пересекаться, совпадать на каких-то отрезках движения капитала, продукта и т.п., тем не менее полной ликвидации циклов воспроизводства, их слияния в единый общенациональный цикл не происходит. Следствием является сохранение разнотипности производства и потребления, невозможность перестройки всей экономики на основе современных

методов производства ... дезинтеграция не только следствие слаборазвитости, но и важнейшее препятствие на пути экономического роста” [6, с. 15].

Не будем забывать, что в низших слоях индийского сословно-иерархического (кастового) общества демографические процессы определяются набором факторов натурально-традиционного происхождения, воспроизводящих так называемую большую семью (*joint family*). Регулирование рождаемости насильственными методами, как показал опыт чрезвычайного положения (1975–1977 гг.), лишь усилил темпы демографических процессов в “низах” индийского общества, включая мусульман. В то же время для верхних “этажей” социальной пирамиды характерны нуклеарные семьи и добровольный контроль над рождаемостью.

Если спроецировать данные тенденции на *поукладную* структуру современного индийского общества, то перед нами предстанет примерно следующая схематичная картина.

Первый, причем наиболее обширный (и численно, и территориально), образует систему до- и раннеиндустриального воспроизводства; этот уклад *натурально-традиционных* производительных сил имеет наиболее высокую интенсивность распространения в Уттар Прадеше, Бихаре и других штатах хиндиязычного ареала, в которых проживает основная часть индийских избирателей.

Второй, уклад индустриальных производительных сил, воплощает в себе индийский “средний класс” и тяготеющие к нему (социально и культурно) силы общества. Численность этой прослойки составляет, по разным оценкам, от 250 до 300 млн человек. Ареал распространения этой общности – города *современного* типа хозяйствования и слои сельского населения в таких штатах, как Пенджаб, Хариана, Тамилнад, Гуджарат и др., активно (“по-капиталистически”) работающие на общем индийском и региональных рынках.

Третий уклад, связанный с различными видами деятельности, вызванными к жизни научно-технической революцией, уступает и по численности своих социальных носителей, и по ареалу распространения первому и второму “организмам” экономической активности. Прежде всего речь идет о производителях информационных технологий, более связанных с мировым рынком, чем с общеиндийским экономическим пространством. Производства данного типа сосредоточены вокруг крупнейших городов Юга – Бангалора, Ченнаи (Мадраса), Хайдерабада. “Поглощающая” способность этого вида экономической деятельности остается ограниченной, поскольку данный уклад

работает по принципу экономии на “живом труде”. Поэтому подчинение индийской экономики законам уклада НТР-производительных сил в обозримой перспективе маловероятно.

Таким образом, индийская экономика на обозримую перспективу сохранит *полистадиальный* характер. “Межформационный” переход затягивается; следовательно будут сохраняться нынешние межкласовые, внутри- и межрегиональные дисбалансы. Опыт самой Индии показывает, что преодолеть диспропорции общественного развития с помощью системы внешнеэкономических связей (за счет экспорта информационно-технологической продукции на Запад или посредством включения хозяйственных потоков Северо-Востока в систему отношений со странами ЮВА) не удастся, пока не будет нарушено гомеостатическое равновесие традиционного сектора экономики (проявляющееся, в частности, в системе разделения труда и формировании рынка рабочей силы).

Инициативы типа *Make in India* (“сделайте в Индии”) даже при благоприятном сценарии их реализации способны вовлечь в круговорот экономического развития преимущественно уклад индустриальных производительных сил. Сама же мозаичная картина межкласового взаимодействия объективно усложняется постоянным действием факторов политического происхождения, и прежде всего открытым характером политической системы Индии и прогрессирующим вовлечением многочисленных “низов” в процессы массовой социализации.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ДИСБАЛАНСОВ

Внешнеэкономическая деятельность, как свидетельствует опыт компактных и относительно монокультурных обществ Северо-Восточной Азии, может стать средством форсированного преодоления диспаритетов развития [5, pp. 156-167]. Однако у *сверхкрупной* Индии этот процесс имеет более сложную траекторию, чем в небольших странах Дальнего Востока.

Прежде всего внешнеэкономическая активность Индии, по логике вещей, должна быть ориентирована на кооперационные связи с соседями, государствами региона Южной Азии. Индийские внешнеэкономические связи институционализированы в Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии – СААРК (*South Asian Association for Regional Cooperation, SAARC*). Ассоциация – это экономико-политическая организация восьми южно-азиатских стран, в состав которой входят

государства, чье совокупное население составляет более 1.6 млрд человек. Таким образом, ее демографический потенциал превосходит все остальные региональные объединения. СААРК была создана в декабре 1985 г. в целях углубления внешнеэкономического сотрудничества между государствами Южной Азии: Бангладеш, Бутаном, Мальдивской Республикой, Непалом, Пакистаном, Индией и Шри-Ланкой. В апреле 2007 г. к СААРК в качестве восьмого участника присоединился Афганистан. Такова формальная сторона дела сотрудничества в Южной Азии.

На практике же кооперационные связи устанавливаются медленно и с трудом. Не стоит забывать, что важной “контекстуальной” особенностью деятельности СААРК является доминирование индийско-пакистанских отношений (которые вот уже несколько десятилетий сохраняют конфликтный характер) в структуре взаимодействия стран — участников данной организации. Сложившуюся в СААРК систему в конечном счете определяет военно-техническое лидерство Индии и Пакистана в Южной Азии, обусловливаемое принадлежностью двух государств к “ядерному клубу”, правда, в качестве неофициальных его членов. Малые страны Южной Азии полагают, что Индия стремится обеспечить свое превосходство как в самом регионе, так и в его акватории, то есть в бассейне Индийского океана. Естественные для небольших соседей опасения относительно поведенческой стратегии страны-гиганта порождают стремление найти ей противовес, привлекая к сотрудничеству внерегиональные силы, прежде всего Китай.

КНР, располагающая обширными внешнеэкономическими возможностями, активно развивает сотрудничество с Бангладеш, Шри-Ланкой, не говоря уже о “всепогодном” союзнике — Пакистане.

В сфере внешнеэкономических связей малые государства Южной Азии искусно используют индийско-китайские противоречия для реализации своих кратко- и долгосрочных интересов, тем более что Пекин воздерживается от вмешательства во внутривнутриполитические процессы в странах региона. Об этом, в частности, свидетельствует спокойная реакция КНР на результаты президентских выборов в Шри-Ланке в 2015 г., на которых победил оппозиционный кандидат М. Сирисена, рассматривавшийся некоторыми кругами в Дели как политик “проиндийского” направления. Однако вскоре выяснилось, что новоизбранный президент не готов отказываться от тесных экономических и политических отношений с Китаем.

Поэтому можно с высокой долей определенности утверждать: СААРК пока не превратилась в институционализированную организацию сотрудничества в Южной Азии. Возможно, правящие в Дели силы начинают сознавать, что преодоление внутренних социально-экономических дисбалансов трудноосуществимо без тесного внешнеэкономического сотрудничества с внерегиональными “игроками” — Китаем и Россией.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00097) “Оптимизация российских внешних инвестиционных связей в условиях ухудшения отношений с ЕС”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Chengappa R. Modi Made a Strong Comeback. *India Today*, 17.08.2016. Available at: <http://indiatoday.intoday.in/story/mood-of-the-nation-india-today-karvy-insights-survey-narendra-modi/1/742910.html> (accessed 01.12.2017).
2. Panagariya A. *India: the Emerging Giant*. New Delhi, Oxford University Press, 2008. 545 p.
3. Jha P. Sh. *India and China. The Battle between Soft and Hard Power*. New Delhi, Penguin-Viking, 2010. 398 p.
4. Bardhan P. *Awakening Giants, Feet of Clay. Assessing the Economic Rise of China and India*. Princeton-Oxford, Princeton University Press, 2010. 172 p.
5. Nayar B.R. *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. New Delhi, Oxford University Press, 2005. 301 p.
6. Широков Г.К., отв. ред. *Экономика Индии: общая характеристика*. Москва, Наука, 1980. 271 с. [Shirokov G.K., ed. *Economika Indii: obshchaya kharakteristika* [Economy of India: a General Overview]. Moscow, Nauka, 1980. 271 p.]
7. Колонтаев А.П. *Проблема занятости в развивающейся экономике. Опыт независимой Индии*. Москва, Наука, 1988. 186 с. [Kolontaev A.P. *Problema zanyatosti v razvivayushcheysya ekonomike. Opyt nezavisimoi Indii* [Employment in a Developing Economy. India as a Case-Study]. Moscow, Nauka, 1988. 186 p.]
8. Симония Н.А., отв. ред. *Город в формационном развитии Востока*. Москва, Наука, 1990. 512 с. [Simonia N.A., ed. *Gorod v formacionnom razviii Vostoka* [The Orient: City as a Force of Societal Transformation] Moscow, Nauka, 1990. 512 p.]

9. Сдасюк Г.В. Индия. *География хозяйства*. Москва, Мысль, 1975. 367 с. [Sdasyuk G.V. *Indiya. Geografiya khozyaistva* [India. Geography of National Economy.] Moscow, Mysl', 1975. 367 p.]
10. Дмитриев Р.В. *Опорный каркас расселения и хозяйства современной Индии*. Москва, МАКС Пресс, 2014. 156 с. [Dmitriev R.V. *Opornyy karkas rasseleniya i hozyaistva sovremennoi Indii* [Modern India: Foundations of Population Distribution and National Economy]. Moscow, MAKS Press, 2014. 156 p.]
11. Datta A., Mishra S.K., Rodgers G., Rodgers J., Sharma A.N. *Social and Economic Change in Rural Bihar and the Emerging Policy Framework. Summary of the Main Findings*. New Delhi, Institute for Human Development, 2012. 21 p.
12. Rasul G., Sharma E. Understanding the Poor Economic Performance of Bihar and Uttar Pradesh, India: a Macro-Perspective. *Regional Studies, Regional Science*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 221-239.
13. Pal R. Socio-Economic Development of Uttar Pradesh. *International Journal of Economics, Finance and Management*, August 2014, vol. 3, no. 5, pp. 210-216.
14. Malhotra R., Gill S.S., eds. *India's North-East and Asiatic South-East: Beyond Borders*. Chandigarh, CRRID, 2015. 302 p.
15. Lee L. India as a Nation of Consequence in Asia: the Potential and Limitations of India's "Act East" Policy. *The Journal of East Asian Affairs*, Fall/Winter 2015, vol. 29, no. 2, pp. 67-104.

INDIA: DEVELOPMENT DISPARITIES AND GEOECONOMIC CAPACITY

(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 5, pp. 97-109)

Received 05.07.2017.

Andrei G. VOLODIN (andreivolodine@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project no. 14-28-00097 "Optimization of Russian Outward Investment Ties amid Deteriorating Relations with the EU".

With India taken as a case-study, the author gives special attention to the "polarized" type of development (disintegration of national economy), which affects the economic potential of the state. India, like many other transitional societies, is still at the middle stages of market-governed development and is still to resolve the controversy between economic growth and social equity. In such cases, "free market" is not in a position to find the optimal balance between initiative and intervention. According to the present writer, economic parameters per se cannot be treated as a yardstick for trajectory of development. Disparities in interregional development tend to be more articulated under rapid economic growth. The global recession of the 2010s has made a task of instituting a balanced socio-economic development even harder to attain. Across the terrain of subcontinental landmass, two basic types of socio-economic development are singled out: number one – stationary (the most populous states of India), and number two – isolated (the Northeastern states) due to geographic "separation" from the "mainland" India. The states like Uttar Pradesh and Bihar accounting for a quarter of India's population, suffer from poor infrastructure for development and need a "blitzkrieg" of investment in power, roads and agriculture to generate economic growth. Lack of investments will make it more difficult to achieve and sustain a high rate of growth in the years to come. The political context of development in the "superlarge" states is aggravated by erosion of the Hindu United Family, on the one hand, and by synchronous pressures of rising social aspirations and stagnant or slow-growing incomes, on the other. Northeast India, a diverse region comprising eight states, is connected with "mainland" India by a passage less than 29 kms wide. The region lost connectivity and market access as a result of the Partition in 1947. The connectivity loss is instrumental for sluggish development of India's North East that has now fallen behind other states and territories of the country. Given the geographical proximity of the area to South East Asia, economic cooperation may accelerate growth in India's North East. Nonetheless, blending of domestic policy with foreign policy has not yet attained desired economic results. India is undergoing not only an economic but also a political change. The future of the country is ultimately dependent on harmonizing interests of winners and losers of development. In terms of political economy, both types of development are to be encouraged by targeted investments to overcome "stationary equilibrium". According to the author, India's (existent) investment potential is not adequate to stimulate economic growth. One of the "hidden" resources for rapid growth and advanced geoeconomic potential is tentative investment cooperation with foreign countries, including Russia.

Keywords: India, disparities of development, disintegration of economy, "dualistic" economic growth, caste system, economic geography, "stationary" type of development, "isolated" type of development, SAARC, South Asia.

About the author:

Andrei G. VOLODIN, Doctor of History, Principal Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-5-97-109